

Выбор оптимальной парадигмы интеграции в Евразии

© 2019

В.И. Балакин

В статье представлена идея интеграционного проекта для Евразии, целью которого является развертывание дискуссии на этом направлении. В настоящее время инициаторами интеграционного процесса в Евразии выступают, прежде всего, Российская Федерация и КНР, ищущие в условиях нарастающего мирового финансового кризиса новые ресурсы для экономического роста. Выстраивая евроазиатское сообщество, Москва и Пекин рассматривают в качестве наиболее реальной интеграционную парадигму, делающую акцент на создание действенного консультационного механизма, позволяющего сближать позиции по ключевым глобальным проблемам.

Ключевые слова: Евразия, идеология, Россия, Китай, интеграция.

DOI: 10.31857/S013128120005307-8

Геополитика исследует расстановку сил и общую диалектику развития применительно к определенной территории, объясняет не только динамику пространства, но и связанные с ним зачастую символические представления. Последние формируют систему геополитических понятий с включением многочисленных философских категорий. С точки зрения философии любое региональное пространство обрекает существующие в нем государства на разрозненность, но одновременно делает их весьма самобытными и избавляет от чрезмерно унифицированного состояния¹. С геополитической точки зрения пространство осмысливается в качестве особой организационной категории, проецирующей на окружающую действительность реальные индивидуальные различия существующих в Евразии сложившихся традиционных государственных систем.

Можно уверенно назвать Евразию одним из самых динамичных и одновременно нестабильных, а также абсолютно непредсказуемых регионов мира, где до сих пор складываются национальные государства и формируются противоречивые цивилизационные процессы. Евроазиатский континент начинает медленно выкристаллизовываться в качестве мощнейшей геополитической реальности. Находящиеся на нем государства во многом развиваются достаточно независимо друг от друга и, по сути, в разных направлениях². Регионообразующие факторы — политические, военные, экономические и другие складываются и развиваются постепенно, приводя в результате к временной консолидации отдельных стран, пытающихся заложить устойчивые основы некой геополитической целостности. На всем континенте наблюдаются отдельные успешные попытки создать некие крупные альянсы, например, Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), которая способствует постепенному вызреванию взаимодействия между ключевыми евроазиатскими государствами, такими, как Россия и Китай.

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru.

Одновременно запускается механизм так называемого «золотого» выбора интеграционной модели, когда на повестку дня встает вопрос о том, зачем вообще нужны альянсы традиционных государств. Ответом может реально послужить объективный поиск «идеальной формы» межгосударственного взаимодействия, которая представляет собой результат саморазвития каждой отдельной системы. Именно он является системообразующим фактором, который играет решающую роль в организации устойчивых компонентов, формируя процесс детерминации и приспособления будущего надгосударственного альянса к необходимости сохранения гармонии между внутривнутриполитическими национальными интересами каждого отдельного государства и его объективными стремлениями использовать конкретную геополитическую ситуацию для решения задач будущего национального развития³. В настоящее время евроазиатские государства во многом являются заложниками обязательного выбора приемлемой интеграционной модели, когда приходится определяться с приоритетами в отношении оптимальных форм партнерских отношений.

Существующий потенциал интеграции в Евразии

Интеграционный потенциал на евроазиатском континенте во многом определяется идеологией поиска национальной идентичности и выработки курса на наднациональное взаимодействие на новом историческом этапе. Этому объективно способствует существующая система взглядов на евроазиатское пространство, диалектика которого подразумевает сбалансированное развитие находящихся в нем государств. Евроазиатское сотрудничество может стать не только экономическим фактором единения региональных государств, но превратиться в идеологию, цементирующуюся взаимопониманием. Государства Евразии стремятся к интеграции прежде всего в силу самосохранения, поскольку объективно нужна совместная региональная инфраструктура и гарантии на случай возникновения непредвиденной реальной опасности национальному суверенитету⁴. Запад излишне нервно реагирует на интеграционные процессы на евроазиатском пространстве, оказывая мощное давление на их участников и пытаясь «связать им руки», не давая сформировать собственный региональный центр влияния.

Кроме того, в качестве самозащиты евроазиатские страны начали предпринимать конкретные шаги по формированию собственных финансовых транснациональных институтов, дублирующих деятельность ослабевших международных институтов ООН. Особенностью сегодняшнего положения на евроазиатском континенте является стремление крупных государств Евразии, прежде всего России и Китая, противодействовать доминированию здесь США, что весьма позитивно воспринято другими странами, исходя из того, что Вашингтон добился на деле своими действиями противоположного эффекта, сформировав достаточно устойчивую оппозицию стратегическим устремлениям Запада в целом⁵. Согласно некоторым западным оценкам, Россия представляет собой преимущественно азиатскую страну, хотя в Евросоюзе вполне адекватно воспринимают ее европейскую идентичность, рассчитывая предотвратить тесное сближение Москвы и Пекина. В условиях геополитического противоборства за доминирование на евроазиатском пространстве каждая из важных держав рассчитывает продвинуть свои национальные интересы в отношениях с наиболее опасными конкурентами. Главными мишенями в современных противостояниях различного уровня на евроазиатском континенте выступают Россия и Китай, которые подвергаются различным формам информационного воздействия в расчете на изменения в названных странах общественной психологии в сторону снижения уровня защищенности традиционных ценностей.

Актуальность новой формы интеграции в рамках евроазиатского пространства становится все более очевидной для всех ведущих держав Евразии, особенно с точки зрения создания обширной континентальной инфраструктуры, которая позволила бы реально объединить усилия всех региональных стран в сфере взаимовыгодного экономиче-

ского развития. Однако, чтобы евроазиатские государства могли достойно сотрудничать, они должны форсировано развивать свой промышленный и торговый потенциалы. Роль России высоко оценивается евроазиатским сообществом, поскольку она способна сказать США «твердое нет» в случае американских попыток доминировать в Евразии⁶. Европейский союз в настоящее время демонстрирует низкие темпы реального экономического роста и стремится к диверсификации поставщиков энергоресурсов, активно инвестируя в поиск новых источников энергоснабжения. Новая евроазиатская стратегия России отчетливо предусматривает синергетическую модель континентальной интеграции в форме стабильных поставок энергоносителей как на Запад (ЕС), так и на Восток (Китай, Индия), спрос на которые будет увеличиваться в обозримой перспективе, в частности, в рамках мегапроекта «Один пояс, один путь».

Потенциал интеграции в Евразии объективно весьма велик и очень перспективен для России, так как позволяет ей решать ряд стратегических задач, связанных с укреплением экономической безопасности и содействием диверсификации торговых связей. Важна реализация высокорентабельных проектов на евроазиатском пространстве для создания новых крупных перерабатывающих производств с высокими технологиями, в чем Россия и Китай сталкиваются со схожими геополитическими и геоэкономическими вызовами. Запад вводит последовательные ограничения на продажу высокотехнологичной продукции в Россию и Китай, однако в этой ситуации обе страны активизировали двустороннее сотрудничество в сфере высоких технологий и открывают для себя высокотехнологичные рынки в других государствах Евразии. Таким образом, предотвращена угроза углубления технологического отставания, что можно рассматривать в качестве особого механизма расширения российско-китайского стратегического взаимодействия. Процесс евроазиатской интеграции идет непросто и медленно, поскольку это связано с унификацией политического поля и гармонизацией национального законодательства в интересах создания наднациональных политических структур и институтов, что на сегодняшнем уровне международного сотрудничества выглядит абсолютно нереальным. Достаточно вспомнить пример АСЕАН⁷.

Выбор оптимальных форм надгосударственного взаимодействия в Евразии

В существующих международных условиях практически все ведущие страны Евразии разрабатывают национальные стратегии последовательного противодействия американскому финансовому и военно-технологическому доминированию. При этом основной акцент делается на стимулирование инвестиций в прорывные технологии, которые обеспечивают успешное действие в безопасной среде с высокоточными, автономными системами вооружений, не зависящими от поставок комплектующих из США. Серьезное внимание уделяется при этом формированию государственных и общественных структур, ориентированных на поддержание национальных идеологических институтов, занимающихся выстраиванием систем образования и информационной среды, нацеленных на противодействие иностранному влиянию, независимо от его происхождения и политических целей. В таких условиях говорить о парадигме реального надгосударственного взаимодействия в Евразии явно преждевременно, но оно все же имеет место, пока на двусторонней основе, исходя из объективно складывающейся геополитической ситуации. Анализ двустороннего взаимодействия между отдельными евроазиатскими государствами демонстрирует наличие осязаемых элементов своеобразной психологической защиты, нацеленных на нейтрализацию, а чаще — на предотвращение любых серьезно угрожающих устоям национальной государственности факторов⁸. Принципиальный разлом целостности американской модели глобализации, случившийся в Евразии, подталкивает различные государства континента к классическому синтезу альтернативных версий, скрытых целей и истинных побуждений участников региональных интеграционных процессов.

На евроазиатском континенте действуют три основных центра геополитического влияния: Россия, Китай и США, реализующие свои стратегические интересы путем вовлечения отдельных стран Евразии в сферу своего экономического влияния. Согласно экспертным оценкам, наиболее важным для Евразии является формулирование формата будущего взаимодействия государств региона с точки зрения последующей разработки прогнозных сценариев, которые должны отразить направления развития сложившихся евроазиатских цивилизаций. Надгосударственное сотрудничество на континенте подвержено серьезным изменениям из-за того, что прорывные технологические инновации происходят все быстрее и требуют реальной адаптации региональной стратегии, а также отказа от ее устаревших положений. Соперничество Запада с Россией и Китаем нарастает по все более крутой траектории и становится все более жестким, что вызвано обострением в военных аспектах глобальной конкуренции, когда главные геополитические игроки начинают по существу глядеть друг на друга «через перекрестье прицелов». В этой связи нет сомнений относительно попыток США в кратчайшие сроки сформулировать собственные новые правила регулирования глобального энергетического рынка путем устранения основных конкурентов в лице России и Ирана, перекрыв им транспортные пути доставки энергоносителей внутри Евразии⁹.

Для евроазиатских государств возникает проблема выбора оптимальной стратегии надгосударственного взаимодействия, ибо интеграционный опыт того же Евросоюза свидетельствует, что как только региональное единение переходит из стадии экономического взаимодействия в стадию политических взаимоотношений, начинают вызревать все более ощутимые конфликты, суть которых сводится к соперничеству за геополитическое лидерство.

Надгосударственное взаимодействие на евроазиатском континенте представляет собой проблему геополитической конкуренции между Россией, Китаем и США, где Москве и Пекину только предстоит сформировать «пул стран», способных сказать «нет» стратегии Вашингтона по подавлению оппонентов не только на глобальном, но и на региональном уровне. Анализ матрицы геополитической интеграции в Евразии показывает, что у России сегодня отсутствует выгодное направление реализации ее стратегического потенциала, поскольку наибольшую эффективность может дать лишь многовекторная политика, предусматривающая диалектическое сочетание всех потенциально возможных курсов без чрезмерной ориентации на какой-то один вариант¹⁰. Среди вариантов подобной стратегии Москва может активно использовать взаимовыгодное экономическое, политическое и культурное сотрудничество с отдельными государствами Европы, одновременно предоставляя им гарантии региональной безопасности, а в случае разностороннего взаимодействия с КНР российское государство должно стремиться диверсифицировать экономические контакты именно с этой наиболее быстро растущей частью мировой экономики.

Факторы, противодействующие евроазиатской интеграции

Приоритетной задачей стран Евразии можно назвать формирование модели надгосударственного единения, способного стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферией США и Евросоюза, которые уже сейчас проигрывают в конкурентоспособности евроазиатским соперникам. В качестве самозащиты Брюссель и Вашингтон взяли на вооружение стратегию активного противодействия созданию в Евразии мощных транснациональных финансовых институтов. Формируя некое единение евроазиатских государств, важно, по мнению международных экспертов, проводить постоянный мониторинг центробежных факторов в ходе интеграционных процессов, что позволит более четко представить возможные риски развития евроазиатской интеграции в глобальном контексте. По мере последовательного осуществления евразийской интеграции, круг вопросов, которые решаются наднациональными органами, должен постепенно расширяться. Однако

в Евразии трудно представить себе ситуацию, когда национальные правительства подчинились бы иностранной коллективной воле, то есть интересам других стран, входящих в интеграционное образование¹¹. Уже существующая практика в виде Евросоюза демонстрирует прецеденты, когда наднациональные органы вынуждены отходить от единогласных решений, заменяя их голосованием большинства. В противном случае любое региональное интеграционное объединение становится почти неуправляемым.

Евроазиатская интеграция развивается достаточно медленно, выявляя факторы, которые необходимо преодолевать в интересах гармонизации взаимоотношений, прежде всего, в сфере торговли продукцией современного машиностроения, чтобы не отстать от мирового уровня. Рассматривая различные варианты, можно сделать вывод, свидетельствующий об отсутствии для России выгодного направления региональной интеграции в Евразии, что вынуждает российское государство делать ставку на многовекторную геополитику, предусматривающую сочетание элементов сотрудничества со всеми государствами на евразийском пространстве. При этом важно понимать, что такие государства Евразии, как Россия, Китай, Индия, Республика Корея, Иран, Турция, включаясь в реализацию прорывных технологических инноваций, адаптируют континентальную геополитическую стратегию, отказываясь от устаревших блоковых предпочтений. Во многом такие изменения геополитической ориентации связаны с неготовностью Вашингтона противостоять растущему российскому и китайскому военно-технологическому влиянию: названные выше страны начинают более трезво оценивать реальные перспективы США по удержанию позиций единственной сверхдержавы в мире. Интеграционные процессы в рамках Евразии делают сегодня для России и Китая целесообразными более тесные взаимоотношения с Индией, Ираном и Турцией, поскольку эти страны сталкиваются с серьезными проблемами в сотрудничестве с Западом. Поэтому российско-китайский тандем вполне может компенсировать имеющиеся ограничения.

Сегодняшний интерес к проблеме евроазиатской интеграции во многом связан с растущим противостоянием России и Китая с коллективным Западом под руководством США, чему в немалой степени послужил переход Москвы и Пекина к традиционным ценностям национальной идентичности и самостоятельности в политике, экономике, а также в идеологическом аспекте. Заметное цивилизационное напряжение и распространение конфликтности по огромному пространству Евразии серьезно беспокоит все страны континента, особенно те, цивилизационные особенности которых заметно отличаются от американской парадигмы развития. Практически все государства в настоящее время стремятся максимально учитывать скорость технического прогресса, рассчитывая обрести военно-технологические преимущества на уровне XXI века, используя максимальное количество доступных технологий, что позволит потенциальным противникам США подготовить асимметричный отклик в виде неожиданного набора стратегем, геополитических доктрин, важных стратегических и тактических операционных решений. Американская администрация оказалась не готова к вызовам в сфере военных технологий со стороны ведущих евроазиатских держав, в результате чего была спешно скомпонована «третья стратегия противовеса», которая пока слабо модернизирует технологический облик военной машины США, оставляя ее плохо управляемой и мало эффективной¹². Вашингтон явно не способен сегодня успешно действовать в среде, насыщенной высокоточными автономными системами оружия, что во многом представляет собой результат отсутствия практических достижений в создании сети глобальной разведки, обеспечивающей потенциал военной мощи в противовес широкому кругу ожидаемых угроз, прежде всего, со стороны России и Китая.

Исходя из своих национальных интересов, последние вряд ли станут останавливать собственные технологические программы сдерживания американских попыток любой ценой сохранить глобальное доминирование. Монополярный выбор США на фоне накопления экономической и военной мощи в значительной степени происходит за счет

спекуляций на возникновении войн и обострениях региональных конфликтов, борьбе за природные ресурсы, эффективном манипулировании политическими потрясениями, что позволяет перекраивать геополитический ландшафт, прежде всего, в Евразии¹³. Становится все более очевидной крайне агрессивная американская цивилизационная парадигма, насильственная реализация которой вряд ли встретит согласие государств с иными духовными приоритетами. Лидером противостояния вашингтонскому напору безусловно выступает Россия, располагающая уникальным опытом совместного существования и развития разнородных этнических групп, культур и религий. Пока трудно говорить о реальных интеграционных процессах на евроазиатском пространстве в целом, однако российское устремление к тесному сотрудничеству, ответственность за принятые обязательства, готовность вникать в национальные интересы партнеров и поддерживать их конкретные действия по сопротивлению вселенскому злу вызывают позитивные отклики у руководства значительной части евроазиатских государств.

Тенденция к геополитической целостности стимулирует интеграционные процессы в Евразии, становится насущной потребностью при решении локальных проблем, обеспечивающей глубокое понимание закономерностей сложного поведения самоорганизующихся государственных систем этого континента. Сложный геополитический алгоритм вызревания интеграционных процессов в Евразии включает синтез и объединение экономических, политических, социокультурных, международных и других аспектов производственных и научных потенциалов евроазиатских государств для вывода их на принципиально новые технологические рубежи. Пока наблюдаются лишь общие закономерности самоорганизации и нелинейного синтеза сложной системы евроазиатской интеграции, но на основании формирующейся модели уже сегодня можно строить прогнозы о характере процессов структурообразования и эволюции евразийских надгосударственных институтов. Понимание и принятие евроазиатской интеграции в рамках двух стратегических путей развития континента — «однополярности» и «многополярности» — представляется необходимым условием самоорганизации и управления процессами выявления более определенных контуров евроазиатского концепта с точки зрения его содержания и внешнеполитических приоритетов.

Евроазиатскую интеграцию вполне обоснованно следует рассматривать в качестве уникального феномена, отражающего современную международную жизнь, но в то же время как неоднозначное и крайне сложное по целям, содержанию и структуре явление. Вызревающая модель интеграции государственных систем в Евразии чревата для мира пересмотром всей существующей международной системы, поскольку такое межцивилизационное объединение принципиально возможно лишь на основе многополярности, формирующей процесс стратегического планирования с учетом готовности ключевых евроазиатских стран к принципиальным геополитическим преобразованиям. Главной отличительной чертой евроазиатской интеграционной модели безусловно станет то, что она будет объединять не отдельные страны, а цивилизации, что может быть обеспечено за счет формирования регионального финансового кластера, способного оказаться вне рамок глобальной валютной системы. Процесс единения на континенте Евразия реально возможен лишь на основе принципов невмешательства во внутренние дела друг друга, исходя из взаимного уважения принципа неприкосновенности государственных границ. Однако в перспективе неизбежно возникнет необходимость создания многочисленных наднациональных консультативных, а, возможно, координационных органов, которые действовали бы в рамках консенсуса, с учетом интересов каждой страны-участницы, но без какой-либо передачи наверх политических полномочий.

Оптимальный выбор интеграционной парадигмы в Евразии связан с проблемой, состоящей в том, каким образом инициаторы интеграционных процессов должны управлять ими, как посредством малых и скрытых резонансных воздействий подтолкнуть систему объективных геополитических связей на евроазиатском пространстве в сторону

относительно благоприятных для региональных стран-лидеров новых качественных путей развития с целью сделать данное развитие самоуправляемым и самоподдерживаемым. При этом главным направлением всегда признавалось недопущение неконтролируемого геополитического хаоса, а еще лучше — целенаправленное превращение возникающего хаоса в механизм, способствующий развитию региональной ситуации в позитивную сторону накопления знаний и опыта для реализации геостратегических схем с целью передачи их последующим поколениям руководителей государств Евразии. Очевидно, что таким образом можно передавать лишь конечные знания о технологиях сохранения национальных государственных на евразийском континенте, исходя из принципа оптимальной управляемости государством на базе устоявшихся веками и тысячелетиями традиций, логически выверенных и объективно детерминированных. Многие известные международные эксперты в качестве варианта интеграционной парадигмы на континенте Евразия рассматривают так называемую международно-правовую конвергенцию, представляющую собой процесс сближения и практического взаимодействия национальных правовых систем в форме повышения степени их связанности и согласованности с точки зрения четкого правового регулирования международных отношений. Международно-правовая конвергенция в равной мере относится и к системам права региональных интеграционных объединений. Эта проблема не является надуманной, поскольку появилось понятие «интеграция интеграций», сущностью которого выступает сближение правовых систем государственных, составляющих интеграционные образования.

Можно сделать вывод, что на евроазиатском пространстве в скором времени начнут формироваться новые геополитические блоки, что вызвано заметной стагнацией в деятельности существующих глобальных международных объединений.

1. *Svirac Ante*. Die Figur des Flüchtlings als ein Paradigma. Universität Wien Verlag, Wien, 2007. S.19.
2. *Масуда Масаюки*. Тюгоку гайко то кокусай систэму: [Китайская дипломатия и международная система] // Бозэй кэнкюсё но тэса. Бозэй дайгаку. Токио, 2005. С. 80.
3. *Clark David L.* Kant's Aliens. The Anthropology and Its Others // The New Centennial Review. Michigan State University Press. 2001. Vol. 1. No. 2. P. 201–289.
4. *Линь Лиминь*. Шипце диюань чжэнчжи синьбяньцзюй юй чжунго дэ чжалюэ дечжи: [Политические перемены на мировой арене и заметные изменения в стратегии КНР] Сяньдай гоцзи гуаньси. Beijing. 2010. No. 4. P. 6.
5. *Milhiel Paco*. China's ambition in the Pacific: worldwide geopolitical issues / The French Institute for International and Strategic Affairs. Asia Focus Program. Paris, 2017. P. 3.
6. *Libman, Alexander*. Russische Direktinvestitionen in Eurasien / Stiftung Wissenschaft und Politik Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Berlin, 2015. S.10.
7. *Токоронага Томота*. Вагакуни но юрасия гайко: [Евроазиатская дипломатия нашей страны] / Нихон кокусай мондай кэнкюсё. Токио, 2006. С. 4–5.
8. *Abdelal Rawi*. Memories of Nations and States: Institutional History and National Identity in Eurasia // Nationalities Papers, Vol. 30. No. 3. Harvard University. 2002. P. 478.
9. *Янь Лян*. Чжунго дуй вайцзинцзи чжуцай: мубяо юй чжэнцэ ити: [КНР против зарубежных экономических санкций: цели и политическая повестка] // Вайцзяо пинлунь. 2012. No. 6. P. 18.
10. Schmidt-Feizmann. Instrument russischer Geopolitik. Policy Research Institute. Stockholm, 2018. P. 104.
11. *Stone Sweet, Alec*. European Integration and the Legal System / Institute für Höhere Studien. Wien, 2005. P. 6.
12. *Rapp-Hooper Mira, Cronin Patrick M.* Counterbalance: Red Teaming the Rebalance in the Asia-Pacific / Center for a New American Security. Washington DC, 2016. P. 7.
13. *Müller Ruth, Damm Theresa*. Asiens zweiter Sprung nach vorn / Berlin-Institut für Bevölkerung und Entwicklung. GfK Verein Verlag. Nürnberg, 2014. S. 24.